

АЛЕКСАНДР СОСНОВСКИЙ МЕРТВАЯ ВОДА

Александр Сосновский

Мертвая вода

Серия «Следователь Певнев», книга 1

<https://litres.ru/73498464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для майора Певнева вода это смерть. Три года назад она забрала его семью, оставив лишь разрушенную психику и горсти транквилизаторов. Отправленный в глухой лесозаготовительный поселок оформлять рутинный несчастный случай, он оказывается в эпицентре изоэренной серии убийств. Васюганские болота проснулись. Люди захлебываются насмерть в собственных постелях. Местный шаман пророчит гибель, рабочие сходят с ума от токсичных испарений, а границы между реальностью и галлюцинациями стираются под гнетом болотного газа. Певневу предстоит выяснить, что скрывается за легендой о болотном духе: мистическое проклятие или хирургически точный, безжалостный расчет человека, которому больше нечего терять. Темный, вязкий и клаустрофобный триллер о мести, которая подается холодной. Как мертвая вода.

p2.0408

Содержание

ГЛАВА 1. Васюганские болота	5
ГЛАВА 2. Утопленник	10
ГЛАВА 3. Парадокс	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Сосновский

Мертвая вода

*Памяти моего одноклассника,
оперуполномоченного уголовного розыска
Владимира Певнева, погибшего в зоне СВО.
Мы сидели за одной партией...*

ГЛАВА 1. Васюганские болота

Воде неведома ненависть. Ей не нужен мотив, она не испытывает гнева и не знает милосердия. Вода просто всегда находит путь. Она просачивается сквозь микроскопические щели, обтачивает гранитные валуны, превращая их в гладкую гальку.

Но страшнее всего то, что вода делает с людьми.

Владимир Певнев знал это лучше многих. Стоило ему закрыть глаза — будь то в душном кабинете Следственного управления, в пустой квартире или на приеме у ведомственного психолога, — как он снова оказывался там.

На глубине.

Сначала всегда приходил холод. Не тот мороз, что щиплет щеки зимой, а обжигающий, пробирающий до костей ледяной панцирь ночной реки. Затем — искаженный толщей воды свет фар их тонущего внедорожника, лучи которого беспомощно рассеивались в мутной, взбаламученной пучине. А потом Владимир чувствовал намертво заклинивший замок ремня безопасности и этот вкус на губах — вкус речной тины, бензина и парализующего отчаяния. Вкус безвозвратно упущенного времени, когда ладошки его семилетнего сына Димки в последний раз скользнули по стеклу с той стороны салона, прежде чем машина окончательно легла на бок, по-

гружаясь в чёрный ил.

Старый служебный уазик с лязгом подбросило на очередной заполненной грязью яме, и Владимир Певнев резко открыл глаза.

Пuls глухими ударами отдавался в висках, заглушая все остальные звуки. Он со свистом вдохнул спёртый воздух салона, пахнувший дешевым табаком «Прима», перегаром и мокрой псиной. Лёгкие жадно, рывками втягивали воздух, словно он всё ещё находился под водой.

За забрызганным окном внедорожника расстилалась бескрайняя, серо-коричневая пустошь, прорезанная чахлыми, изломанными ветром соснами.

Васюганские болота. Самое большое в мире гниющее море торфа, топей и мёртвой воды. Пятьдесят три тысячи квадратных километров гиблого места, раскинувшегося на стыке областей.

Мелкий колючий бусенец омывал стекло злыми каплями, оставляя кривые, дрожащие дорожки. Певнев отвёл взгляд от окна. Непослушными руками он расстегнул нагрудный карман штормовки, достал измятый блистер с успокоительным и выдавил одну белую таблетку на ладонь. Забросил в рот и сглотнул всухую. Горчило невыносимо, но открывать пластиковую бутылку с минералкой, болтающуюся в подстаканнике, ему не хотелось.

— Подъезжаем, товарищ майор, — хрипло бросил водитель, глядя на следователя в зеркало заднего вида.

Водителем был местный участковый уполномоченный с фамилией Сизых. Молодой ещё мужик, едва переваливший за тридцать, но с уже серым, одутловатым лицом. В его выцветших глазах читалась застарелая, безнадёжная тревога человека, который давно понял, что находится не на своем месте, но вырваться сил не хватает.

— Вон там, за просекой, наш посёлок, — Сизых неопределенно махнул рукой, оторвав её от руля. Машину тут же повело в колею, и участковый поспешно вцепился в баранку. — Кривое называется.

— Вижу. Долго ещё по этой каше месить? — голос Певнева звучал сухо, связки стянуло от стресса.

— Минут пятнадцать. Если мост через Гать не размыло. Бывший старший следователь по особо важным делам областного СК, а ныне — человек, сосланный в район из-за панических атак на почве посттравматического стрессового расстройства (начальство тактично назвало это «временной ротацией для восстановления нервной системы»), ехал фиксировать смерть.

Обычный несчастный случай, как ему сказали по хрипящей спецсвязи из района. Пьяный бригадир лесозаготовителей помер в своей бытовке. Рутину. Оформить протокол осмотра места происшествия, опросить пару пьяных свидетелей, дожидаться, когда распутица позволит вывезти тело, и закрыть материал за отсутствием состава преступления.

Но въевшаяся привычка никому не верить подсказывала

Певневу, что рутиной здесь не пахнет.

Он смотрел на Сизых. Всю дорогу, все сто двадцать километров от районного центра по убитой грунтовке, участковый постоянно грыз заусенцы на пальцах. Он то и дело нервно крестился, проезжая мимо покосившихся тотемных столбов, щедро обвязанных выцветшими синими и красными тряпицами, которые были вбиты кем-то прямо в болотную глину вдоль дороги.

Сизых боялся. И боялся он не областного проверяющего. Он боялся того, что ждёт их впереди.

— Значит, говоришь, бригадира хватил удар? — Певнев нарушил гудение двигателя, доставая из внутреннего кармана блокнот.

Участковый нервно сглотнул.

— Я... я по телефону дежурному в районе сказал, что вероятен обширный инфаркт, Владимир Борисович. Да. Зуев, Петр Ильич. Возраст — полтинник, вес под сто двадцать, пил как не в себя в последнее время. Зверь-мужик был, если честно. Половину поселка в кулаке держал. Заперся он вечером в бытовке своей, а утром не вышел. Мужики замок и сковырнули.

— Вскрыли запертое помещение без полиции? — Певнев поморщился. — Затоптали все.

— Так они думали, ему плохо стало!

— Ладно. Что было внутри?

Сизых вдруг затормозил так резко, что Певнев едва не

впечатался лбом в лобовое стекло. Уазик застрял посреди огромной грязной лужи. Мелкий дождь монотонно барабанил по крыше.

Участковый посмотрел на следователя с безотчётным, парализующим волю страхом.

— Послушайте, майор, — голос Сизых сорвался на шепот. — Вы когда туда войдёте... Вы не удивляйтесь. У нас тут места дурные. Ханты говорят, болото живое. Обид не прощает.

— Оставь свой фольклор для туристов, лейтенант, — жестко оборвал его Певнев, чувствуя, как начинает действовать успокоительное, приглушая панику и возвращая ясность ума. — Заводи машину. У меня труп стынет.

Сизых шумно вздохнул, воткнул первую передачу, и внедорожник, надсадно воя мостом, вырвался из лужи, въезжая на территорию поселка Кривое.

ГЛАВА 2. Утопленник

Посёлок встречал их удушливым запахом гнилой древесины, торфяной гари и кислым дымом от печек-буржеек. Улиц здесь как таковых не существовало — просто хаотично раскиданные почерневшие бревенчатые срубы, покрытые рубероидом каркасные бараки и вагончики-бытовки. Все строения были подняты на деревянные или бетонные сваи, чтобы по весне или в сезон сильных дождей их не затопило разливающимся болотом. Земля под ногами представляла собой тёмно-коричневое чавкающее месиво, способное засосать сапог до колена.

Уазик затормозил у территории лесопилки, огороженной высоким забором из горбыля. Ворота были открыты настежь, выставляя напоказ ржавую стальную тушу промышленной пилорамы.

Около большого синего вагончика-бытовки, стоявшего чуть в стороне от основных цехов, толпилось около двух десятков суровых, небритых мужиков в промасленных телогрейках и резиновых сапогах. Они курили «Беломор», сбившись в плотную кучу, изредка переговариваясь вполголоса.

При виде полицейской машины с синими мигалками на крыше никто не сдвинулся с места. В их взглядах Певнев прочитал не привычное для зевак любопытство. Там плес-

калась затаённая, глухая тревога, смешанная с настороженностью.

— Разгони их, — бросил Владимир участковому, открывая тугую дверцу и накидывая капюшон штормовки. Дождь мгновенно проник за шиворот морозными иглами. — Оцепи периметр.

Пока Сизых, матерясь и размахивая руками, отгонял рабочих от вагончика, натягивая полосатую ленту между двумя вбитыми в грязь кольями, Певнев подошел к бытовке.

Дверь покоилась на одной покорёженной петле — её явно выбивали ломом снаружи: деревянный косяк был расщеплён.

— Засов стальной был, изнутри, — подошёл запыхавшийся Сизых, вытирая мокрое лицо рукавом. — Зуев параноиком стал последние недели. Вчера вечером закрылся, а утром на смену на делянку не вышел. Ну, ребята ломиком и поддели. А там...

Местный полицейский так и не договорил, спрятав глаза. Певнев шагнул внутрь. Из-за разницы температур его очки мгновенно запотели. Он снял их, протёр подкладкой куртки и машинально, по-оперски, мысленно разбил помещение на сектора осмотра.

Внутри бытовки — в отличие от мерзлоты снаружи — было жарко, сухо и невыносимо душно. На полную мощность работал масляный обогреватель. В нос ударил густой коктейль из запахов: дешевого коньяка, немытого мужского те-

ла, табачного дыма и чего-то ещё. Чего-то странного, сладковато-гнилостного, напоминающего застоявшуюся воду в старом погребе.

Жилище бригадира было обустроено с комфортом начальника. Обшитые пластиком стены, небольшой плоский телевизор, холодильник. На столе стояла недопитая бутылка, тарелка с засохшей нарезкой колбасы и раскрытый ноутбук. Пластиковое окно наглухо закрыто — ручка снята. Ни единой щели для сквозняка.

Сам Зуев лежал на широкой кровати поверх скомканного армейского спального мешка.

Это был здоровенный мужчина лет пятидесяти, с массивной грудной клеткой и толстой шеей, какие бывают у бывших борцов. Одет он был только в термобелье болотного цвета. Его багровое лицо застыло, взгляд мутных глаз был устремлён в низкий потолок.

Лицо покойного искажала гримаса такого запредельного ужаса, что Певнева, несмотря на духоту в комнате, пробрал внезапный озноб.

Толстые, волосатые пальцы Зуева были скрючены спазмом, ногти до крови впились в собственную шею — словно перед смертью он отчаянно пытался сорвать с себя невидимую удавку.

На синюшных губах и подбородке мертвеца густым слоем застыла вязкая бурая пена.

На прикроватной тумбочке, чуть слышно гудя, работал

медицинский СИПАП-аппарат — небольшой компрессор, который выписывают людям с тяжёлым апноэ (задержкой дыхания во сне). Прозрачная гофрированная трубка тянулась от аппарата и заканчивалась силиконовой маской, которая сейчас валялась на полу рядом с безвольно свисающей рукой Зуева.

Певнев осторожно, стараясь не наступать на раскиданные по линолеуму вещи, подошел ближе. Натянул синие латексные перчатки, которые жалобно скрипнули в тишине.

— Что здесь делает гражданская?

Владимир лишь в эту секунду краем глаза уловил движение и заметил в углу у шкафа фигуру в тёмной куртке.

Там стояла девушка лет двадцати восьми. У нее было очень бледное, заострённое лицо, волосы убраны в строгий хвост. В руках она держала старый, потёртый медицинский саквояж.

— Это Анна, фельдшер наша поселковая, — извиняющимся тоном, топчась на пороге, проблеял Сизых. — Я её первой вызвал, когда мужики дверь снесли. Думал, может, жив ещё Петрович.

Анна посмотрела на следователя. Взгляд у нее был профессионально цепкий, но на самом его дне читалась какая-то глубокая усталость.

— Вы можете не выгонять меня, майор, — тихо, но твёрдо сказала она. Голос у нее был приятный, чуть глуховатый. — Это не insult, не острый инфаркт миокарда и не алкоголь-

ный делирий. Я его осмотрела до вашего приезда и сделала предварительные записи.

— И что скажете, Анна... — Певнев запнулся, глядя на покойного.

— Николаевна. Просто Анна, — она сделала шаг к койке, не боясь соседства с мертвецом. — Выраженный цианоз носогубного треугольника. Точечные кровоизлияния — петехии — в склеры глаз и слизистую рта. Характерная стойкая мелкопузырчатая пена изо рта и носовых ходов. Выраженная бочкообразная вздутость грудной клетки.

Певнев нахмурился. Симптомы были ему знакомы. Они снились ему в кошмарах каждую вторую ночь на протяжении последних трех лет. Таблетка успокоительного, принятая в машине, внезапно словно перестала действовать. Дыхание перехватило.

— Хотите сказать, он задохнулся? — спросил Владимир, чувствуя, как предательски потеют ладони внутри перчаток. — Острая механическая асфиксия?

— Да, — Анна посмотрела Певневу прямо в глаза, и ему показалось, что она сканирует его насквозь. — Но не от удушения петлей или руками. Травм подъязычной кости на шее нет. Царапины он нанёс себе сам.

— А от чего тогда? — вмешался Сизых из дверей.

Анна перевела взгляд на Зуева.

— Он утонул.

Слова фельдшера словно выкачали весь воздух из бытов-

ки. Раздавался лишь мерный гул СИПАП-аппарата да стук капель по металлической крыше.

— Утонул? — переспросил участковый, нервно хохотнув.
— Аня, ты какого лешего несешь? Окстись. Где он тут утонул? В стакане с коньяком захлебнулся?

Певнев окинул комнату взглядом. Пол из дешевого линолеума был сухой — на нем виднелись лишь грязные следы рабочих, ломавших дверь. Никаких тазов, бочек или ведер с водой в бытовке не было. В крошечном пластиковом раковиннике в углу было сухо.

Не было и следов того, что мёртвое тело принесли откуда-то еще: термобелье на Зувее и ткань спального мешка под ним были абсолютно сухими.

— Я говорю то, что вижу с медицинской точки зрения, — тон фельдшера оставался ровным. — Если вы отправите тело на судебно-медицинскую экспертизу в город и судмедэксперт вскрыет его, то найдёт в трахее, бронхах и лёгких воду. Много воды. Я готова поставить на это свою лицензию.

— Топляк забрал, — раздался громкий, испуганный шепот с улицы.

Сизых тут же обернулся и рывкнул на любопытного бородатого рабочего, осмелившегося сунуть нос в дверной проём.

— Какой еще, к черту, топляк? — жестко, с нарастающим раздражением спросил Певнев. Инстинктивно он попытался ослабить воротник куртки, так как ему вдруг показалось, что

кислорода в комнате катастрофически мало.

Сизых потоптался на месте, отводя взгляд.

— Легенда местная, Владимир Борисович... Ханты говорят, наше болото живое. Мыслящее. Если кто тайгу шибко обидит, поглумится над природой, болото посылает Топляка. Дух такой мстительный. Он, говорят старые люди, приходит сквозь любые запертые стены. Приходит прямо во сне и наливает человеку в легкие мёртвую воду. А мужики болтают, что Зуев на прошлой неделе приказал реликтовый кедр за Гатью спилить, хотя там заповедная зона и старые шаманские захоронения...

— Довольно сказок! — отрезал Певнев, хотя его собственный голос предательски дрогнул. Он повернулся к девушке. — Анна Николаевна. Вы человек с медицинским образованием. Вы можете объяснить это с научной точки зрения? Сухое утопление? Ларингоспазм?

Анна покачала головой, методично собирая инструменты — стетоскоп, фонарик, тонометр — в свой саквояж.

— При асфиксии вследствие ларингоспазма, Владимир Борисович, вода практически не попадает в легкие, и не бывает столько пены. А здесь тяжелейший аспирационный синдром. Если вы нажмёте ему сейчас на нижнюю треть грудины, вы сами увидите, чем заполнены его лёгкие.

Она защёлкнула замок саквояжа.

— Я не знаю, как он захлебнулся в этой бытовке. Это ваша работа. Мое дело — констатировать смерть.

Слова фельдшера повисли в душном воздухе бытовки. Утонул. В собственной кровати. В сухой одежде.

Певнев сглотнул скопившуюся слюну. Сердце снова ускорило свой бег. Следователь занёс обе руки над широкой, раздувшейся бочкообразной грудной клеткой Зуева. Закрыв глаза, он с силой надавил скрещенными ладонями на нижнюю часть ребер.

Тишину бытовки разорвал жуткий, влажный, клокочущий звук. Грудь Зуева подалась под руками следователя с хрустом хрящей. Челюсти мертвеца рефлекторно разжались, и изо рта, шипя, густой массой повалила почти чёрная, буро-зелёная жидкость.

Это была не просто пена. Это была вязкая, зловонная субстанция, до одури пахнувшая гнилью и тиной. Она перелилась через губы, залила подбородок и медленно поползла по шее на постель, словно внутри Зуева лопнул гнилостный резервуар.

Травмированный мозг Певнева мгновенно дорисовал картину. Дно реки. Тина.

Владимир отшатнулся так резко, словно покойник ударил его током. Споткнувшись о ножку стула, он рухнул спиной на пластиковую стену бытовки, хватая ртом воздух. Перед глазами на секунду потемнело. Комната поплыла, превращаясь в перевёрнутый салон автомобиля.

— Товарищ майор! — Сизых дернулся к нему, испуганно моргая. — Товарищ майор, вам плохо?

— Нормально... — чужим, сорванным голосом прохрипел Певнев.

Он оторвал взгляд от чёрной лужи, растекающейся по груди Зуева, и стянул латексные перчатки.

Успокоительное наконец-то пробило химическую брешь в панике, затормаживая пульс. Следовательно заставил себя выпрямиться. Впитавшаяся годами полицейская выучка сработала как предохранитель, гася панику и возвращая хладнокровие.

Магия исключена. Духов не существует. Человека накачали водой. Как? Зачем? И почему дверь была заперта изнутри?

Кто-то грамотно и без шума пустил Зуева в расход. И убийца, скорее всего, находился прямо сейчас среди тех суровых мужиков за дверью, которые курили под дождем и шептались о Топляке.

— Сизых, — голос Певнева снова обрёл сухие, рубленые, командирские интонации. — Ищи брезент, чтобы завернуть тело. Мы начинаем расследование убийства.

ГЛАВА 3. Парадокс

Тело Петра Зуева, с трудом втиснутое в жёсткий брезент, унесли двое бледных, угрюмых рабочих. Участковый Сизых потрусил за ними, чтобы проконтролировать процесс помещения трупа во временный ледник — наполовину врытый в землю бетонный бункер на заднем дворе лесопилки. Фельдшер Анна ушла первой, даже не оглянувшись. Её тонкий силуэт в тёмной куртке быстро растворился в серой пелене дождя.

Певнев остался в бытовке один.

Он глубоко вдохнул, стараясь абстрагироваться от въевшегося в стены запаха смерти и тины. Сейчас он — не сломленный отец, потерявший семью на дне реки. Сейчас он — старший следователь. Охотник. Читатель следов.

Владимир достал из кармана цифровой фотоаппарат и методично, шаг за шагом, отщёлкал всё помещение. Общие планы, углы, стол, койка. Затем он приступил к детальному осмотру.

Начать следовало с вопроса, как убийца вышел, не оставив следов. Певнев подошёл к выбитой двери. На внутренней стороне косяка висел стальной засов — ржавый, массивный. Ответная часть, проушина, была выворочена «с мясом», когда рабочие ломали дверь снаружи. Следователь присел на

корточки, подсвечивая себе фонариком. Он искал характерные потёртости на нижней кромке двери — следы от лески, струны или проволоки, с помощью которых убийца мог бы задвинуть засов снаружи, закрыв за собой дверь. Никаких царапин. Уплотнительная резина прилегалa к линолеуму идеально плотно. Ни один магнит не сдвинул бы эту ржавую, тугую железяку. Вывод номер один: Зуев заперся сам. Находясь внутри, в добром здравии.

Шаг второй — окно — пластиковый стеклопакет. Певнев обследовал раму. Ручка была откручена, а щели заботливо, по-деревенски, заклеены широким малярным скотчем сверху донизу. Скотч пожелтел и пошел пузырями от времени — его не отрывали с прошлой зимы. Никто не вкачивал сюда воду через окно. Никаких вентиляционных шахт, кроме крошечной вытяжки над кухонным уголком, в которую едва пролезла бы мышь.

Певнев подошел к столу. Рядом с недопитой бутылкой коньяка лежал защищённый резиновым чехлом смартфон Зуева. Графический ключ, преграждавший путь к меню, Владимир подобрал за минуту — экран был заляпан грязными пальцами, и под определенным углом света зигзагообразный след от ногтя читался безошибочно.

Следователь проверил историю звонков. Ничего примечательного. Пару раз Зуев звонил в город, ещё несколько вызовов ушло на номера рабочих. Но затем Певнев открыл приложение диктофона. В самом верху списка висел файл,

созданный вчера поздним вечером, за несколько часов до предполагаемого времени смерти. Файл назывался просто — Record_004.m4a.

Певнев нажал на «воспроизведение» и поднёс динамик к уху.

Из телефона раздался глухой, надрывный кашель, перемежающийся прерывистым, сипящим дыханием. Затем зазвучал голос Зуева — искаженный паникой и алкоголем.

— Сука... Тварь узкоглазая. Он что-то сделал. Я не знаю как, но он что-то сделал...

На заднем фоне в записи было слышно, как Зуев тяжело меряет шагами бытовку. Скрип половиц. Звон стекла — видимо, горлышко бутылки нервно стукнуло о край стакана.

— Я запер дверь. Всё запер. Но оно лезет. Вы слышите? Оно лезет из-под пола! — голос здорового, сурового бригадира сорвался на визг. — Везде сыро. Одеяло мокрое. Стены потеют. Я дышать не могу... Воздух как будто из ваты с водой. Я кашляю тиной!

Певнев нахмурился, вслушиваясь в фоновые шумы. Он ждал звука льющейся под давлением воды, скрипа, шагов постороннего. Но на фоне был лишь ровный, монотонный гул дождя по крыше.

— Они говорят, это белка. Белая горячка. Михалыч говорит, я допил. Но я не пьяный! Я чувствую, как оно собирается в горле. Это Топляк. Он впустил его... Шаман впустил Топляка. Мне нужно уехать. Утром. Заведу «Урал» и уеду,

хрен с ним, с лесом...

Снова жуткий, булькающий кашель. Глухой стук падения — видимо, Зуев сел или упал на кровать. И запись оборвалась.

Певнев опустил телефон. По спине пробежал озноб. Зуев описывал симптомы так, словно вода зарождалась внутри него самого. Словно он медленно тонул в абсолютно сухой комнате на протяжении нескольких часов, находясь в полном сознании. Как такое возможно физиологически?

Взгляд следователя скользнул к прикроватной тумбочке, где всё ещё тихо гудел включенный в сеть СИПАП-аппарат — компактный компрессор в белом пластиковом корпусе. Певнев знал, что это такое. Аппарат нагнетает воздух и под давлением подает его в дыхательные пути спящего через маску, чтобы гортань не смыкалась и человек не задохнулся от храпа. Следователь выключил кнопку питания, отсоединил силиконовую маску, измазанную бурой пеной, и бросил в пакет для вещдоков.

Затем он потянул за резервуар сбоку аппарата — камеру увлажнителя. В нее заливается дистиллированная вода, чтобы воздух не сушил горло. Ёмкость оказалась сухой. Ни капли. Но когда Певнев поднес его к лицу и принялся, в нос ударил тот самый резкий, приторно-сладковатый химический запах хвои, эфира и болотной гнили.

Певнев быстро упаковал аппарат в ПВХ-пакет, аккуратно заклеив горловину скотчем. Здесь определенно поработал не

дух. Здесь поработали чьи-то ловкие руки, подмешавшие в аппарат нечто такое, что заставило легкие восьмипудового мужика разорваться от собственной плазмы и воды.

Засунув изъятые вещи в рюкзак, Певнев вышел под дождь. Ему нужно было место для обустройства штаба и люди для допроса.

Контора лесопилки представляла собой приземистое бревенчатое здание за высоким дощатым забором. Комната, которую выделил ему вернувшийся Сизых, оказалась вполне сносной: обшитые вагонкой стены, массивная печь-голландка, жёсткий дерматиновый диван и широкий стол. Свет обеспечивал гудящий на улице дизель-генератор.

— Начинаем опрос, — без предисловий сказал Певнев, садясь за стол и открывая блокнот. — Давай сюда того, кто нашел тело.

Через пару минут Сизых ввел в кабинет сутулого, жилистого мужика с изрытым оспой лицом и выцветшими глазами. В руках он нервно мял мокрую брезентовую рукавицу, источая стойкий аромат солярки и древесной смолы.

— Присаживайтесь. Фамилия, имя, должность.

— Завьялов Михаил Сергеевич... Михалыч я. Рамщик здешний. Бригадир я сменной бригады.

— Рассказывай, Михалыч, по порядку. Как нашли, во сколько, как вели себя перед этим. Без утаек.

Мужик тяжело вздохнул, усаживаясь на краешек стула.

— Утром смена в восемь начинается. Валить лес за Чёр-

ной речкой должны были. Петрович мужик был жёсткий, за опоздания рублем наказывал нещадно, а сам всегда первым на ногах. А тут восемь — его нет. Полдевятого — нет. Я пошёл к вагончику. Стучу — заперто. В окно заглянул, а там штора задёрнута плотно. Ну, мы с ребятами фомку взяли да и скovyрнули дверь. Зашли, а Петрович того... Готов. И воняет болотиной на всю бытовку, аж до тошноты. Глаза выкачаны, сам синий весь.

— Вы с ним ссорились накануне?

— Лично я? Нет, Бог миловал, — Михалыч покачал головой. — Но Петрович последние три дня сам не свой был. Нервный. Орал на всех, за водкой в Заречное посылал постоянно. Ему всё казалось, что у него в кране вода мутная. Жаловался, что в горле першит. Мы думали, простудился или допился до чертиков.

— Кто имел на него зуб в поселке? — Певнев подался вперед, скрестив пальцы рук домиком. — Только не надо про духов. Интересуют живые люди из плоти и крови. Кому его смерть была выгодна?

Повисло неловкое, вязкое молчание. Михалыч покосился на участкового, словно ища поддержки, но Сизых лишь усиленно делал вид, что изучает трещины на потолке.

— Да тут полпосёлка на него зуб имело, если по совести, — угрюмо буркнул рамщик. — Зарплату он резал, на штрафы сажал за малейший проступок. Но Петрович людей не боялся. У него под подушкой всегда обрез лежал. Он с ша-

маном местным, Тагаем, на прошлой неделе сцепился наглухо. Из-за этого и сдал.

Певнев оторвал взгляд от блокнота.

— Так. С этого места поподробнее. Из-за чего сцепились?

— Петрович тендер выиграл на вырубку, а делянку погнал напрямик через Горелую гриву. Это за болотом сухая гряда. А там у хантов святые места. Деревья с ленточками, капища старые, идолы стоят века. Тагай пришёл на лесопилку, ругался страшно. Говорил, что болото за такое осквернение кровью умоет и Топляк нас всех по одному на дно утащит. Зуев тогда выпивши был... Ну и спустил с лестницы старика. Тагай встал, кровь с губы вытер и сказал: «Твои легкие станут болотом». Ночью после того Тагай у бытовки Петровича костер жёг, травы какие-то палил, пел что-то жуткое.

— Угроза убийством. Отлично, — кивнул следователь. — Это первый кандидат. Ещё кто? Есть кто-то с техническими навыками? Тот, кто разбирается в насосах, газовых баллонах, химии?

Михалыч задумался, покусывая губу. Вдруг его тусклые глаза расширились.

— Товарищ майор... А ведь есть такой. Витька «Кабан». Механик наш бывший. Рукастый мужик, Бог умом не обделил, но пьющий страшно. Петрович его уволил со скандалом две недели назад. Ещё и зарплату за два месяца зажал — повесил на него запоротую поршневую на трелёвочнике.

— И как отреагировал механик?

— Орал, что пустит Зую красного петуха. Или кишки на кардан наматает. Витька ведь ещё и браконьерит по-чёрному. Острогой бьёт, толовую шашку может сварганить за вечер, насосы из говна и палок собирает на ручьях золотишко мыть. У него вся заимка за лесом шлангами да помпами завалена.

Певнев почувствовал, как внутри зашевелился охотничий азарт. Идеальный подозреваемый нарисовался сам собой. Механик, ненавидящий начальника. Человек, знающий устройство бытовок до винтика, умеющий обращаться с задвижками, клапанами давления и компрессорами. Закачать токсичный газ или какую-то дрянь через вентиляцию или прямо в СИПАП-аппарат? Для такого это вопрос пары часов подготовки.

— Где живет этот Кабан? — жёстко спросил Певнев.

— Да тут, в трёх километрах, на старой заимке егерской. Как по просеке пойдете налево — упретесь.

Михалыч вдруг замялся, комкая рукавицу ещё сильнее.

— Вы, товарищ майор, Витьку-то проверьте, конечно, — понизив голос, добавил рамщик. — Но вы не скидывайте Топляка-то со счетов. Мы тут в тайге люди тёмные, но не слепые. Потому что это не первый случай. Кабан бы такое не сотворил.

Певнев нахмурился.

— Что значит «не первый случай»?

— Так месяц назад Валерку Рябого нашли. Тоже брако-

ньер местный, с Зуевым дела крутил по незаконной добыче зверя. Помните, Николай? — Михалыч кивнул участковому.

Сизых вдруг побледнел и нервно заёрзал на стуле.

— Владимир Борисович, там отказной материал был, — торопливо забормотал лейтенант. — В районе закрыли дело! Несчастный случай. Рябой по пьяни в болото свалился, захлебнулся, а потом его на сушу, на кочку, выбросило. Течение там, или газы болотные подняли.

— Да какое там течение! — вскинулся Михалыч. — Валерку нашли на проплешине в километре от воды! Из рта тина торчала, а сапоги сухие были! Участковый наш, — Михалыч кивнул в сторону Сизых, — тогда всё быстро замял вместе с Зуевым, чтобы ментов из области не тащить. Но мы-то знаем: Валерка тоже в Горелой гриве сети ставил, гневил хозяев. Вот его Топляк первого и забрал, а Петрович вторым стал. Кто третий будет — один Бог ведает.

Певнев вперил в Сизых давящий взгляд, от которого подозреваемые обычно начинали путаться в показаниях.

— Отказной материал, говоришь? Сухие сапоги и полные легкие воды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.